

— Говоря о прошлом... хм, есть ещё один старый счёт. Хорошо, ты говоришь, что нет доказательств, но теперь Мо Цзай выступил с обвинениями против тебя. Что ты можешь сказать в своё оправдание? — Цинь Мин, с большим животом, сидел в кресле, расставив ноги, как улыбающийся Будда. Его лицо от природы казалось добрым, и когда он говорил, его глаза казались улыбающимися, но слова его были далеко не дружелюбными. — Одна жизнь, нарушение моих правил... И ты думаешь, что одной чашей вина всё уладишь? Нынешние дети думают, что мы, старики, нищие? — Он оглядел всех старших за столом, среди которых был старый господин Тан, который когда-то вывел Ду Фэя в люди.

Если бы не вмешательство господина Тана в то дело с Вэнь Цзыи, Цинь Мин на самом деле собирался разобраться с Ду Фэем.

Господин Тан всё это время молчал, но когда Цинь Мин посмотрел на него, он медленно поднял чашку и сделал глоток чая:

— Невежественный человек, пусть господин Цинь решает, как поступить.

В последние годы Цинь Цан благодаря своим способностям завоевал своё место, а его наследники в основном были гуляками, и теперь его силы были далеки от сил Цинь Мина.

Ду Фэй надеялся на поддержку господина Тана, но тот явно не хотел ссориться с Цинь Мином ради него, что охладило его пыл.

— Господин Цинь, скажите, я искренне хочу исправить ошибку. — умолял Ду Фэй, его руки дрожали, держа чашу.

Цинь Мин, играя с ситуацией, некоторое время потряс ногой, затем наклонил голову и посмотрел на Цинь Цана, который всё это время молча стоял за его спиной.

— Парень, заведения — твоя забота, скажи, как поступить.

Цинь Цан с самого начала стоял с опущенными глазами, его фигура была прямой. На нём была чёрная худи и облегающие спортивные штаны, что делало его похожим на древнего ночного странника, только не хватало меча за спиной, чтобы отправиться грабить богатых и помогать бедным.

Его волосы были короткими и чёрными, глаза — тёмными, как безлунная ночь, холодными и пугающими. Его лицо было суровым, когда он улыбался, он казался дерзким, а когда не улыбался — жестоким. Такого человека никто не мог приручить, если он сам не хотел.

— Господин Ду, за эти годы вы открыли много ночных заведений в нашем западном районе. Мы открываем одно, вы открываете другое. Не знаю, вы презираете господина Цинь или меня, Цинь Цана.

Ду Фэй поднял глаза и встретился с его взглядом, внезапно почувствовав, как его сердце дрогнуло от жестокости в его глазах. Он действительно несколько презирал Цинь Цана, ведь он шаг за шагом захватывал территорию западного района, а господин Цинь ничего не говорил, и его уверенность росла. Он считал, что Цинь Цан, как подобранная собака, не сможет добиться больших успехов.

Но он не ожидал, что этот парень, шаг за шагом отступая, заманил его в ловушку, чтобы нанести последний удар.

— Западный район — территория господина Цинь, я уйду. — сквозь зубы сказал Ду Фэй, сдерживая боль.

Он потратил много лет, чтобы укрепиться в западном районе. Город Б, разделённый на восточный, западный, южный и северный районы, днём западный район был серьёзным политическим и экономическим центром, а ночью превращался в город развлечений, где скрывались многие влиятельные люди.

Господин Цинь наконец удовлетворённо кивнул:

— У тебя месяц, чтобы закрыть то, что нужно. Если не сможешь, я найду людей, которые помогут тебе. Конечно, я, Цинь Мин, не делаю всё до конца, я дам тебе компенсацию. Месяца хватит?

— Хватит, хватит. — поспешно согласился Ду Фэй, и господин Цинь протянул свою толстую руку, чтобы принять чашу, символически выпив вино примирения.

Господин Тан сказал:

— Ну всё, мир и прибыль, давайте поедим.

Ду Фэй, с онемевшими руками и ногами, уже собирался встать, как вдруг перед глазами мелькнула тень, и он почувствовал, как Цинь Цан, словно молния, поднял ногу и наступил на его плечо, снова прижав его колено к полу. Он ещё не успел понять, что происходит, как Цинь Цан быстрым движением левой руки схватил его правую руку и прижал к столу, а в правой руке у него вдруг оказался нож, который он провёл по руке, как будто точил карандаш.

Цинь Цан двигался с невероятной скоростью, и все за столом, кроме господина Цинь, вскочили с мест, наблюдая, как белый клинок очертил дугу в воздухе.

— Господин Цинь! Пощадите! — крикнул Ду Фэй, его голос был полон отчаяния.

Он изо всех сил пытался вырваться, но не смог освободиться от хватки Цинь Цана. Тот, как мясник, стоял одной ногой на его плече, одной рукой держал запястье, и, не моргнув, опустил нож, его лицо было спокойным, как будто он резал огурец.

С криком боли большой палец Ду Фэя упал на стол, кровь брызнула во все стороны, как раз рядом с тарелкой маринованных куриных лапок.

Ду Фэй, держась за палец, корчился на полу. Господин Тан вскочил со стула:

— Цинь Цан, ты перешёл все границы!

Цинь Цан вытер кровь салфеткой, спрятал нож и опустился на колени перед господином Цинь:

— Господин Цинь, я переступил границы.

Господин Цинь посмотрел на господина Тана, затем на Цинь Цана, и сказал:

— Мы, живущие в этом мире, соблюдаем правила. Если никто не будет их соблюдать, мы вернёмся к временам убийств и хаоса. Сейчас другие времена, все живут хорошо, но если кто-то хочет вернуться к старому, я, Цинь Мин, старик, готов поддержать.

Его слова были суровыми, но затем он сменил тон и, ударив Цинь Цана ногой, крикнул:

— Но ты, собака, слишком смел! Ду Фэй — человек господина Тана, и если нужно отрубить палец, это должен сделать он, а не ты, слепая собака!

Цинь Цан, получив удар, едва удержался на ногах, но снова опустился на колени.

Цинь Мин, глядя на господина Тана, с улыбкой сказал:

— Мой ребёнок невоспитан, я сам его накажу, это будет моим извинением перед господином Таном.

Он встал, снял ремень и начал бить Цинь Цана, словно дождь ударов обрушился на его спину.

...

— Гудок...

В трубке раздались гудки, Вэнь Цзыцянь нахмурился, глядя на телефон. Это был уже третий звонок, который он сделал Цзи Жуну.

Вэнь Юаньсин, сидя напротив, сказал:

— Видишь, не берёт трубку. Приглашал его на обед, но он сказал, что занят. Думаю, он ненадёжен. — Он нервно потирал руки. — Вэнь Юаньхан умер не так давно, и уже всё забыли? Как так можно?

Вэнь Цзыцянь оставался спокойным и успокаивал:

— Не волнуйся, дядя, может, он действительно занят.

Он поднял голову и крикнул:

— А-Бинь!

А-Бинь вошёл в кабинет и спросил:

— Что случилось?

Вэнь Цзыцянь сказал:

— Узнай, чем занят мэр Цзи. Как можно быстрее.

А-Бинь кивнул и вышел.

Вэнь Юаньсин спросил:

— Может, он передумал и не отдаст нам землю?

Вэнь Цзыцянь подумал и покачал головой:

— Вряд ли. Выделение земли правительством — это сложный процесс, хотя в основном это формальность, но решение, которое было принято, должно было обсуждаться на заседании исполнительного комитета, и есть протоколы, заявления и другие документы. Подделать всё это заново потребует времени. Кроме того, у меня есть некоторые протоколы, и он это знает. К тому же, мы получаем землю на взаимовыгодных условиях, и, думаю, по меньшей мере

половина компенсаций за снос домов попадёт в их карманы. Получая деньги, они не станут менять решение на полпути.

— Тогда почему они затягивают с выделением земли? Ты видишь, деньги готовы, персонал на месте, сроки начала работ приближаются. — Лицо Вэнь Юаньсина было покрыто морщинами от беспокойства. — Всё из-за меня, я обычно не общался с чиновниками, и теперь даже не знаю, как получить информацию.

Вэнь Цзыцянь улыбнулся:

— Дядя, в детстве я думал, что ты такой мягкий и учтивый, идеально подходишь для преподавания. Ты был для меня образцом положительного и целеустремлённого человека. А теперь, когда тебе приходится налаживать связи и общаться, я чувствую, что это тебя напрягает. Виноват я, с моим больным телом я не могу выходить на публику.

— Не говори так. — Вэнь Юаньсину было больно говорить о здоровье Вэнь Цзыцяня. Он видел, как тот время от времени опирался на локти, чтобы снять напряжение, и даже это простое действие заставляло его сердце сжиматься.

— Ты плохо себя чувствуешь? — Он смотрел, как Вэнь Цзыцянь морщится, время от времени постукивая по бёдрам и коленям. Его лицо всегда было бледным, он выглядел болезненным.

Вэнь Цзыцянь, пережив очередную волну боли, улыбнулся:

— Всё нормально, старые проблемы, я могу терпеть.

— Тебя всё равно слишком рано заставляют работать, может, ты вернёшься домой отдохнуть?

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16224/1457537>